

ПРИЗНАНИЕ В Л Ю Б В И

СЕЛЬСКАЯ ЖИЗНЬ
Г. МОСКВА

ЭТО БЫЛА удивительная, незабываемая встреча — первый большой концерт лауреата Ленинской премии Людмилы Георгиевны Зыкиной в Москве после присвоения ей весной нынешнего года почетного звания народной артистки СССР. И состоялся он тоже в не совсем обычный день — в день рождения певицы. Правда, об этом, последнем, я вместе с присутствовавшими в зале Центрального дома Советской Армии узнала только позаним вечером.

Перед концертом Людмила Георгиевна, сосредоточенная, внутренне собранная, подтянутая, репетировала с баянистами — вся была в песенной стихии.

Для Зыкиной, видимо, этот концерт был и своеобразным отчетом, и праздником, и более всего — серьезным разговором о жизни, об отношении к искусству, о долге художника перед народом.

Разговор о жизни на концерте певицы?.. Предвижу чье-то недоумение. Да, да. Разговор серьезный, творческий, с полной мерой уважения и доверия к слушателям. Своей песней певица как бы присягала Родине, мужеству, добру, рассказывала о судьбах народных, о себе, о том, что ее волнует, радует, огорчает.

...Она вышла на залитую светом сцену. Поклонилась, приложив руку к груди, улыбнулась знакомой миллионам улыбкой.

Величавая стать, наряд (вышитая кофточка, русский шелковый сарафан), открытый, искрящийся вдохновением и мыслью взгляд ее темных глаз, пышные, собранные в пучок и перехваченные лентой волосы, манера кланяться — все было исполнено прекрасной значительности, женственности и обаяния.

И пошла песня. Откуда-то издали, едва слышно, а потом все сильнее, сильнее. И вот уже в тишине, взволнованной и напряженной, широко, привольно звучит роляково-чистый голос: «Лишь ты могла, моя Россия...». С покоряющей сердечно-

стью пела Зыкина: «Ты, Россия моя, с чем тебя мне сравнить... Без тебя мне не петь, без тебя мне не жить...»

Прозвучали песни «Есть на Волге утес», «Вот мчится тройка почтовая», «Вниз по Волге-реке», «Степь да степь кругом»... Казалось, все, о чем она поет, артистка узнала только что и рассказывает нам, слушателям, на наших глазах открывая в прошлом что-то новое для себя и для нас, помогая лучше понять и оценить современность.

И теплее на сердце, когда раздольный и сильный голос, отдаваясь красотой напева, то замарает от ощущения высоты полета, то опускается до бархатных, грудных звуков. Перед нами была внучка рязанской бабки Василисы — и... королева русской песни, как ее величают за рубежом. (К слову сказать, Зыкина с блеском славит русскую песню и ее создателя — наш народ; она гастролировала более чем в двадцати странах).

— «Оренбургский пуховый платок». Слова Виктора Бокова, музыка Григория Пономаренко, — сама объявляет певица.

Зал затихает в ожидании. И хотя почти все знают эту песню, в исполнении Зыкиной она каждый раз — открытие. Может быть, потому, что ей самой в этой песне слышится много личного. И та старенькая мать — это не ее ли Екатерина Васильевна, нежная, добрая, ласковая мать, которой уже нет в живых? Может быть, в этот вечер вспомнила она, как плакала мать от счастья, узнав, что ее Людмила будет петь в хоре им. Пятницкого, плакала и приговаривала: «Так высоко поднялась ты, доченька, как и не мечталось...»

Да, ученица токаря Московского завода имени Орджоникидзе, Люда Зыкина не мечтала стать певицей. Работала, училась в вечерней школе, пела в заводском клубе. И работала, и пела — все с душой! Однажды прочитала: «Хор Пятницкого объявляет конкурс-набор...»

— Давай, Людка, попробуй! — подблала подружка.

Пошла. И кто бы мог подумать: из четырех тысяч прослушанных авторитетным жюри, зачислены были три парня и она, восемнадцатилетняя Зыкина.

И начались для Людмилы дни большой учебы. Только она одна знает, сколько песен, мелодий перепела, вышествовала, постигла умом, пропу-

стила через свое сердце. Признание пришло в 1960 году: на конкурсе артистов эстрады она заняла первое место.

...А зал тем временем взрывается аплодисментами. На сцену поднимается убитый седной мужчина. Он накидывает на плечи певичу белоснежный, прозрачный пуховый платок. Вздыхая говорит:

— Примите, пожалуйста, этот дар любви и поклонения от нашей семьи.

Людмила Георгиевна благодарит за подарок. Исполняет «Снег седины». Песня звучит как гимн тем, кто шел в бой за нашу землю, гимн ветеранам войны. Мелодичность и драматическая напряженность, простота и величавость песни находят благодарный отклик в душах слушателей. Лица их сосредоточены, задумчивы. У многих на глазах слезы. А за открытыми настезью окнами зала — мягкая тишина вечера, летит, летит тополиный пух, словно снег на солдатские могилы.

По просьбе слушателей Людмила Георгиевна спела любимейшие народом песни: «Рябина», «Ивушка зеленая», «Лен», «Оборвалась тропинка у обрыва». Не знаю, конечно, кто как, но я в эти мгновения воспринимала Людмилу Георгиевну не артисткой, завоевавшей всенародное признание, покорившей своим искусством почти весь мир, а простой русской женщиной, стоящей у знакомой березки или идущей тропинкой по лугу, среди трав, отяжелевших от росы. Именно такой запомнилась она мне во время нашей недавней встречи. И подумалось: наверное, еще и потому с таким проникновением Зыкина передает музыкальную глубину образа, что умеет слышать тончайшие голоса природы — шепот сосен и шелест берез, журчание ручья, еле слышный всплеск реки. Умеет трудиться: и грядку вскопать, и пошить что-либо немудрое, и испечь-сварить мастерца.

«Я с удовольствием отдаю за простую работу», — как-то говорила мне Людмила Георгиевна.

Большую часть года певица живет под Москвой. «Мил мне этот уголок. Здесь легко дышится и, как говаривала моя мама, спорее работается», — признавалась Людмила Георгиевна, когда мы беседовали у нее на даче. Прямо под окнами ее деревянного дома раскинулся сад. Сияло солнышко. Согретые его полуденными лучами, как бы разморенные, дремали яблоня. А вдаль виднелась тропинка, ведущая в сосновый бор. «Дороги мне эти места», — продолжала Людмила Георгиевна, — напоминают детство.

Я ведь родилась и выросла в подмосковной деревне. Мама моя тоже из деревни. И первые свои песни спела я в полях да в лесах, когда с подружками бегала по грибочкам, по ягодам и первые мои, громко говоря, выступления были здесь, под Москвой, в госпитале. Мама там санитаркой работала. Прибегала я к ней, пела для раненых, играла на гитаре, а потом, осмелев, и чечетку отбивала. Любили войны слушать нас, ребята. И для меня были радостными эти часы общения с ними. В каждом из них виделся мне отец. Он тоже был на фронте. Все, связанное с детством, я помню до мельчайших подробностей. И хороводы, и пляски с припевами и частушками. И песни все, что пели у нас в семье, помню и пою до сих пор. Пела мы звонко, горлосисто. Не поддавались ни нужде, ни горю... Всегда живы воспоминания детства, — заключает Людмила Георгиевна. — Прав поэт, утверждающий: «Умирают царства на земле, детство никогда не умирает».

...Концерт продолжался. Певица исполнила несколько старинных песен: «Сронила колечко», «Не весят Машеньке за реченьку ходить», «Уж ты, сад, ты, мой сад», «Ах, долга ты, ночь», «Матушка, что во поле пыльное?» И виделась русская заплаканная девушка с тяжелой косой, свадьба с нелюбимым и слезы, горючие слезы обманутых надежд...

— «Созвездие Гагарина». Музыка Пахмутовой, — объявляет ведущий.

Все мы будто увидели и услышали новую Зыкину — артистку большой драматической глубины. Удивительно строго она поведала о яркой жизни Юрия Гагарина, его подвиге и бессмертии.

Потом вдохновенно спела другие, искрящиеся удастью, озорством, лукавством: «Ой, снег, снежок», «Посею лебеду на берегу», «Под дугой колокольчик поет»... Она пела вся — глазами, легким движением бровей, улыбкой. И все мы узнали ее ликующее жизнелюбие, упоение песней. И стояла за той песней Русь, ее люди, родные просторы: ослепительное цветение черемух, ясное мерцание берез, вереницы журавлей в небе, море цветущего льна, светящееся в сумерках поле спелой пшеницы...

Мне не раз доводилось наблюдать, как хорошая песня сближает людей, пробуждает родственные чувства — стремление, чтобы радость, испытанная тобой, была разделена и другими. И сейчас я видела и слышала, как,

аплодируя, восхищенно переглядываясь, переговаривались между собой совсем незнакомые люди: «Какова, а?», «Редкий талант!», «Может показаться, что ей все дается легко. На самом же деле годы упорнейшего труда ушли на то, чтобы добиться ни с чем не сравнимого воздействия на слушателей, достичь такого проникновенного звучания голоса, такого богатства выразительных средств, когда шуточная скороговорка соседствует с широким, вольным распевом, тончайшая лирика с глубоким драматизмом».

«Зыкина — это, конечно, большой талант, но в моем представлении это прежде всего великая труженица, — говорил мне один из известных музыкантов. — Не помню случая, чтобы она перед концертом не репетировала песен, хотя бы и петь их сто раз, отыскивая оттенки, нюансы, внося порой совершенно неожиданный колорит, стараясь вернуть песне первоначальную свежесть и глубину. А что это за чудесный человек! — все более оживлялся мой собеседник. — Нет, она совсем не добренькая, она очень строга и к себе, и к другим. Но в ней есть та мудрая и сдержанная простота, которая в соединении с душевностью, с заботой о товарищах неизменно делает ее любимцей коллектива. Просто диву даешься, как умеет она располагать к себе людей!»

...В самом конце этого чудесного вечера певицу поздравляли с днем рождения. Преподносили цветы, говорили добрые, сердечные слова:

— Позвольте, Людмила Георгиевна, признать, что все мы вас очень любим...

Людмила Георгиевна стояла на авансцене, смущенная, растроганная.

— Спасибо... Большое спасибо! А теперь давайте споем вместе. — И начала: «Издалиа долго течет река Волга...»

Зал дружно откликнулся. Спели всю песню. И как спели!

Погасли огни рампы. Зрители расходились с концерта в самом радостном, праздничном, едва ли не счастливом настроении, которое всегда охватывает человека при встрече с подлинным, благородным искусством.

Я приоткрыла дверь в артистическую комнату Людмилы Георгиевны. Она сидела у окна, подперев руками подбородок. Не обернулась на скрип двери. Даже не подняла головы. По тени усталости под глазами, по какой-то отрешенности ее взгляда я поняла, что у нее нет сейчас сил ни радоваться, ни говорить, ни принимать поздравления. Всю себя в этот вечер она отдала песне, как, впрочем, безраздельно отдаст ей свой постоянный, ежедневный труд и высокое вдохновение.

А. ХАРИТОНОВА.

(Спец. корр. «Сельской жизни».)